

МЕРЛИН

СЕМЬ ПЕСЕН

Т. А. БАРРОН

Ожидается экранизация «Саги о Мерлине»
при участии режиссера Ридли Скотта

Сага о Мерлине

Томас Баррон

Семь песен

«Издательство АСТ»

1997

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Баррон Т. А.

Семь песен / Т. А. Баррон — «Издательство АСТ», 1997 — (Сага о Мерлине)

ISBN 978-5-17-113497-6

Вместе с Мерлином на Финкайру, заколдованный остров, который лежит между землей и небом, вернулась надежда. Но опасность пока не миновала. И первой жертвой зла, вновь поднимающего голову, становится мать Мерлина. Он сможет спасти ее, если сумеет постичь скрытый смысл Семи Песен Волшебства, одолеет монстра, уничтожившего его деда, и раскроет секрет таинственной Лестницы. Тогда перед ним откроется дорога в Мир Иной. В загробном царстве он может встретить и загадочного Дагду, и вероломного Рита Гавра... и тень своего верного друга, сокола по имени Несчастье.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-113497-6

© Баррон Т. А., 1997

© Издательство АСТ, 1997

Содержание

Предисловие автора	7
Пролог	10
Часть первая	18
Глава 1	18
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Т. А. Баррон

Сага о Мерлине. Т. 2. Семь песен

T. A. Barron

MERLIN SAGA

The Seven Songs

Печатается с разрешения литературных агентств

Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Text copyright © Thomas A. Barron, 1997

Map illustration copyright © Ian Schoenherr, 1996

© О. Ратникова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

У Мерлина были свои планы на мой счет.

Т. А. Баррон

* * *

Блестящая эпическая история, написанная пылающими буквами. Настоящий подарок!
Исабель Альенде, автор романа «Дом духов»

Эпопея Т. А. Баррона – еще один бриллиант в корпусе древней и современной литературы, посвященной такой незаурядной фигуре, как Мерлин.

Следуя за нашим героем во всех его испытаниях, мы становимся свидетелями мощного духовного становления великого волшебника.

Ллойд Александер, автор «Хроник Придайна»

Классика как она есть!

Роберт Рэдфорд, актер

* * *

Эта книга посвящается Карри, которая каждый день своей жизни проводит так, словно это куплет из седьмой Песни.

Отдельную благодарность автор выражает Россу, двух лет от роду, наделенному необыкновенно чутким сердцем.

Предисловие автора

Иногда я просыпаюсь задолго до рассвета и лежу без сна, прислушиваясь к тишине. К шелесту тополя на ветру. К негромкому уханью виргинского филина. И – в редких случаях – к голосу Мерлина, который шепотом обращается ко мне. Но прежде чем я начал различать среди разнообразных звуков природы голос Мерлина – а тем более слышать его достаточно хорошо, чтобы иметь возможность рассказать историю его всеми забытой юности, – мне пришлось кое-чему научиться. И забыть многое из того, чему меня учили прежде. Во-первых, мне следовало слушать очень внимательно, причем не только ушами. Потому что этот волшебник не так прост.

«Потерянные годы», первая книга серии, приподнимает завесу над необыкновенными событиями, которые ознаменовали появление Мерлина на свет и его раннее детство. Почему же случилось так, что этот период бесследно исчез из легенд и мы узнаем о нем лишь теперь, много веков спустя? Возможно, дело в том, что в годы отрочества и ранней юности в душе Мерлина произошли серьезные изменения, а кроме того, ему пришлось испытать сильную боль. Вместе с тем «потерянные годы», без сомнения, являются чрезвычайно важными для формирования личности того, кто в будущем станет наставником короля Артура.

История «потерянных лет» Мерлина начинается в тот день, когда полумертвого мальчика выбросило на каменистый берег Уэльса. Море отняло у него все. Понятия не имея о том, что ему предстоит стать величайшим волшебником всех времен, он лежал на берегу, мучимый неведомыми призраками. У него не осталось никаких воспоминаний. Не было дома. Не было даже имени. Слушая слова самого Мерлина, мы можем представить себе испытанную им в тот день боль, которая так и не прошла до конца, и угадываем надежду, которая не желала угасать несмотря ни на что:

«Когда я закрываю глаза и начинаю дышать медленно, в такт приливу, я живо вспоминаю тот далекий день. Он был суровым, холодным, полным одиночества и лишенным надежды; и когда я вспоминаю его, мне снова кажется, что я задыхаюсь, и я отчаянно хватаю ртом воздух.

С тех пор в моей жизни было много таких дней – у меня сейчас нет сил считать их. И все же тот день сияет в моей памяти ярко, как сам Галатор, я помню его так же ясно, *как тот день, когда узнал свое имя, как день, когда впервые взял на руки мальчика по имени Артур.*

Возможно, я помню его в мельчайших подробностях потому, что эта боль, подобно шраму у меня на сердце, никогда не исчезнет. Или потому, что он ознаменовал собой конец целой эпохи в моей жизни. Или, может быть, потому, что он был не только последним днем, но и первым. *Первым* днем моих потерянных лет».

Перед вами продолжение истории юного Мерлина. Да, он разгадал загадку Хоровода Великанов, но впереди его ждет вереница новых загадок. Ему предстоит пройти великое испытание. Сумеет ли он найти ответы на свои вопросы, чтобы выполнить стоящую перед ним задачу? Несмотря на то что Мерлин случайно обнаружил в себе скрытое могущество, ему пока не удастся его контролировать. Да, будущий маг немного знаком с учением друидов, мудростью греков и кельтов, но он лишь начинает постигать основы этой мудрости. И несмотря на то, что Мерлин узнал свое настоящее имя, он пока смутно представляет свою роль в этом мире, он еще не разгадал тайну собственной личности.

Короче говоря, он еще не осознает, что значит быть волшебником.

Для того чтобы открыть в себе волшебника, юный Мерлин, который уже потерял столь многое, должен познать горечь новых утрат. Вместе с тем ему удастся кое-что и приобрести. Он наконец узнает правду о своей подруге Рири. Постигает преимущества и недостатки магического зрения и понимает, что такое «голос сердца». Он даже обнаруживает, к своему ужасу, что в его душе кроме света живет и тьма – и одновременно с изумлением и радостью узнает,

что ему присущи и другие качества, часто называемые противоположностями. Это молодость и зрелость, мужское и женское начала, конечность жизни и бессмертие.

Легендарным героям приходится преодолевать, если можно так выразиться, три «уровня» испытаний. Источником первых является собственное «я», личностные качества самого персонажа; затем следуют трудности этого мира и, в конце концов, Мира Иного. Сначала герой (или героиня) должен исследовать тропы, скрытые в его (ее) душе. Далее, герою предстоит одержать верх над врагами в своей короткой земной жизни. И наконец, он или она должны столкнуться с опасностями и возможностями, которые встречаются в загробном царстве, в мире духов. В каком-то смысле Мерлин изменяет этому традиционному «маршруту», предпринимая попытку проникнуть в Мир Иной уже во второй книге серии. Мерлин, как мы уже узнали, не слишком любит придерживаться правил. Но от этого его задача не становится проще: в этой книге, как и во всех остальных, Мерлину приходится преодолевать все три «уровня испытаний» одновременно.

Именно в Мире Ином, где обитают призраки умерших, боги и их могущественные противники, скрыт ключ к достижению цели юного волшебника. Это загадочное место, откуда смертные возвращаются очень редко. Вместе с удивительными открытиями путника здесь подстерегают многочисленные опасности. Если Мерлину удастся постичь скрытый смысл Семи Песен Волшебства, одолеть монстра, уничтожившего его деда, и раскрыть секрет таинственной Лестницы, перед ним откроется дорога в Мир Иной. В загробном царстве он может встретить и загадочного Дагду, и вероломного Рита Гавра... и тень своего верного друга, сокола по имени Несчастье.

Его ждут и другие открытия. Как писал Уильям Батлер Йейтс, человечество всегда стремилось найти некую связь с космическим порядком, «воссоединить представления о душе и божественном с красотой природы»¹. Молодой Мерлин впервые ощутил в себе могущество и способность к обновлению, наблюдая за грозой с ветвей векового дерева. И теперь он вновь пытается найти эту связь, следуя извилистой тропой начинающего мага.

Вторая часть путешествия Мерлина начинается там, где закончилась предыдущая, на легендарном острове Финкайра. Кельты считали, что этот остров, лежащий под поверхностью моря, является своего рода «остановкой» на пути из мира смертных в Мир Иной. Омфал², как сказали бы древние греки. Но наиболее точно описала этот остров Элен, мать Мерлина, когда назвала его «промежуточным местом».

Подобно туману, который представляет собой не совсем воду и не вполне воздух, Финкайра – не царство смертных, но в то же время ее нельзя назвать островом бессмертных. Это нечто среднее.

Мерлин, в свою очередь, тоже «нечто среднее». Он не человек в полном смысле этого слова, но и не бог. Он не стар, но и не молод. Карл Густав Юнг счел бы его интересным случаем, поскольку источником способностей Мерлина является как бессознательное, так и сознание, а в основе его мудрости лежат одновременно природа и культура.

Не случайно древнейшие легенды о Мерлине рассказывают, что его мать была праведницей, а отец – демоном. Это метафоры для светлой и темной ипостасей каждого из нас. Мерлин постигает величайшую мудрость, не избавляясь от своей «темной стороны», не уничтожая ее, но, напротив, принимая ее, признавая частью себя. В конце концов, именно понимание человеческих слабостей, наряду с пониманием возможностей человека, делает Мерлина подходящим наставником для короля Артура.

¹ Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) – ирландский поэт, драматург. Цитата из книги «Воспоминания» (1917). Здесь и далее примечания переводчика.

² Омфал – камень, древний культовый объект в Дельфах, считавшийся Пупом Земли, точкой соприкосновения между мирами живых и мертвых, истинным центром всего мироздания.

Я глубоко признателен всем людям, чьи имена упомянуты в предисловии к первой книге: прежде всего моей жене и лучшему другу Карри, а также моему необыкновенно мудрому редактору Патриции Ли Гош. Кроме того, мне бы хотелось поблагодарить Ллойда Александра³, чьи произведения продолжают вдохновлять нас всех; Сюзен Каллинан, которая понимает мудрость юмора; и Сашу, нашего ласкового лабрадора, который часто согревает мне ноги, когда я пишу.

И снова Мерлин шепчет. Давайте прислушаемся, но будем осторожны. Потому что этот волшебник, как мы знаем, не так прост.

Т. А. Б.

*Отнятый сам у себя,
словно дух, я ведал деянья
Прежних племен и предсказывать мог
грядущие судьбы,
Знал я тайны вещей,
мне пернатых полет был понятен,
Звезд блуждающий путь
и движенья рыб постигал я⁴.*

*Гальфрид Монмутский,
«Жизнь Мерлина» (XII в.)*

³ Ллойд Чадли Александер (1924–2007) – американский фантаст, автор более сорока книг, преимущественно в жанре детского фэнтези.

⁴ Перевод с латинского С. А. Ошеров (1984).

Пролог

Как стремительно пролетели столетия... Быстрее отважного сокола, который некогда нес меня на спине. Быстрее стрелы, что пронзила мне сердце в день, когда я лишился матери, и причинила страшную боль, которая останется со мной навсегда.

Но я и теперь ясно помню Большой Совет Финкайры, собравшийся посреди круга каменных столбов – это было все, что осталось от величественного, неприступного замка после Хоровода Великанов. Много веков Большой Совет не собирался здесь, но я знал, что спустя сотни лет он будет созван вновь. Членам Совета предстояло решить несколько важных проблем, в том числе установить, каким образом покарать свергнутого монарха и следует ли избрать его преемника. Но самый сложный вопрос заключался в том, как поступить с магическими Сокровищами Финкайры, и прежде всего с Цветущей Арфой.

Я до сих пор не могу забыть начала того совещания. И, как бы ни пытался, не могу забыть и его завершения.

На гребне холма маячили высокие, грозные тени, которые казались чернее самой ночи, – это были каменные столбы, расставленные по кругу.

Тишины не нарушало ни дуновение ветерка, ни единый звук. Летучая мышь полетела было к развалинам, но повернула прочь – возможно, она испугалась, что Черный замок внезапно восстанет из руин. Напрасно. От могучей крепости, некогда увенчанной башнями и щетинившейся зубчатыми парапетами, теперь остался лишь каменный круг, безмолвный, словно заброшенное кладбище.

Странные лучи, тусклые, дрожащие, вдруг осветили черные камни. Это были не лучи солнца, потому что до восхода оставалось несколько часов: это был свет звезд. Понемногу он становился ярче. Казалось, светящиеся блики падали с небес на каменные столбы, словно само небо рассматривало руины тысячами огненных глаз.

Крупный мотылек, желтый, как сливочное масло, опустился на один из камней. Вскоре к нему присоединилась птица с бледно-голубым оперением, потом – старый-престарый сыч, у которого в хвосте не хватало половины перьев. Змейка или ящерица переползла через упавший столб, стараясь держаться в тени. Два фавна с торсами юношей, козлиными ногами и копытами, подпрыгивая, выбежали на середину круга. За ними следовали бродячие деревья. Ясени, дубы, кусты боярышника, ели и сосны захлестнули плоскую вершину горы подобно гигантской темно-зеленой волне.

Несколько местных мужчин и женщин, на лицах которых было написано любопытство и изумление, шагнули в каменный круг. Следом за ними появилась группа рыжебородых гномов, черный жеребец, несколько воронов и две речные нимфы. Нимфы тут же принялись с шумом и визгом обливаться друг друга водой из лужи, найденной у подножия столба. Пришли и другие существа: пятнистая ящерица, зеленые дятлы, павлины, ослепительный единорог, олениха с олененком, гигантская улитка. Семейство зеленых жуков притащило с собой лопух в качестве сиденья; феникс пристально рассматривал собравшихся немигающим взглядом.

Представители всевозможных рас и народов Финкайры продолжали прибывать. Один из островитян, поэт с взлохмаченными волосами, высоким лбом и темными пронизательными глазами, стоял у круга и наблюдал за происходящим. Через некоторое время он подошел к одному из поваленных столбов и сел рядом с девушкой крепкого сложения, одетой в костюм из лесных лиан и листьев. По другую сторону от девушки сидел мальчик с внушительным деревянным посохом. Мальчик выглядел старше своих тринадцати лет, и взгляд его угольно-черных глаз был устремлен в пространство. Он еще не привык к своему новому имени – Мерлин.

Стоял оглушительный шум: смешивались карканье, хлопанье крыльев, жужжание, рычание, шипение и рев. Когда первые лучи солнца позолотили каменные столбы, гомон усилился.

Какофония стихла лишь однажды, когда в круге появилась белая паучиха невероятных размеров, – она была в два раза крупнее жеребца. Собравшиеся смолкли и поспешно расступились. Несомненно, островитянам польстило внимание легендарной Великой Элузы, но, с другой стороны, они подозревали, что гостья проголодалась за время путешествия из хрустального грота, расположенного в сердце Туманных холмов. Паучиха без труда нашла свободное место.

Устроившись на куче каменных обломков, Великая Элуза почесала затылок чудовищной лапой. При помощи другой лапы она сняла со спины большой коричневый мешок и положила его на землю рядом с собой. Затем осмотрела толпу и на мгновение встретилась взглядом с Мерлином.

Делегаты все шли и шли. В каменный круг торжественно ступил кентавр с бородой, спадавшей почти до самых копыт. Два лиса с пушистыми хвостами, пританцовывая, следовали за ним, а завершала процессию молодая лесная эльфийка. Ее руки и ноги казались такими же легкими и полупрозрачными, как спадавшие на плечи пряди каштановых волос. Поросший мхом живой камень прокатился к центру круга, едва не задавив зазевавшегося ежа. Рой энергично жужжавших пчел завис над землей. Члены семейки огров устроились у границы каменного круга и коротали время, злобно царапая и кусая друг друга.

Многие из обитателей Финкайры не были известны Мерлину. Некоторые существа были похожи на колючие кусты с пылающими глазами; другие напоминали корявые сучья или кучки грязи, кое-кто был практически невидимым и лишь отбрасывал на камни слабый мерцающий отсвет. Мерлин видел созданий со странными лицами, с угрожающими лицами, с любопытными лицами и вообще без лиц. Примерно через час в круге камней собралась пестрая толпа, напоминавшая карнавал.

Поэт Каирпре старался как можно подробнее отвечать на вопросы Мерлина о странных и чудесных существах. Это, объяснял он, снежная курица, неуловимая, словно лунный свет. А вон там – праматерь долин, которая принимает пищу раз в шестьсот лет и при этом ест лишь листья цветка тендрадил. Сущест, незнакомых поэту, называла девочка в одежде из листьев – Риа, обительница Леса Друма. А некоторых не узнавали ни Каирпре, ни Риа.

Но в этом не было ничего удивительного. Ни один из островитян, за исключением, пожалуй, лишь Великой Элузы, не знал всех существ, населявших Финкайру. Однако вскоре после Хоровода Великанов, свержения злобного короля Стангмара и разрушения его Черного замка жители пожелали собрать Большой Совет. Впервые на памяти живущих всем смертным обитателям Финкайры, включая птиц, насекомых и самых странных, невиданных существ, было предложено отправить сюда своих представителей.

Откликнулись почти все расы. Среди немногих отсутствующих числились боевые гоблины и призраки-оборотни, отступившие обратно в пещеры Темных холмов после поражения Стангмара, древолюди, давным-давно исчезнувшие из этой страны, и морские люди. Морские люди населяли воды, окружавшие Финкайру, но их не смогли найти, чтобы пригласить на Совет.

Внимательно оглядев собравшихся, Каирпре с грустью отметил, что гигантских горных орлов, представителей древнейшего народа Финкайры, здесь тоже не было. В стародавние времена крик горного орла, тревожный, волнуемый, служил сигналом к началу Большого Совета. Но на сей раз этому не суждено было случиться, потому что воины Стангмара уничтожили орлов, всех до единого. Каирпре знал, что орлиный крик никогда больше не прозвучит среди скал.

Мерлин заметил в тени каменного столба бледную толстую старуху с лысым черепом и безжалостными глазами. Узнав ее, мальчик содрогнулся всем телом. За свою долгую жизнь ведьма носила множество имен, но на Финкайре она была известна как Домну, или Злая Судьба. Едва Мерлин успел разглядеть ее, как старуха растворилась в толпе. Мальчик знал, что она старается избегать его, и знал почему.

Внезапно гора содрогнулась от оглушительного рокота, перекрывшего голоса птиц, зверей, людей и сказочных существ. Один из высоких камней угрожающе пошатнулся. Рокот усилился, земля задрожала, и каменный столб рухнул, едва не похоронив под собой олениху с детенышем. Мерлин и Риа переглянулись, но на лицах их не было страха. Им уже доводилось слышать шаги великанов.

Две фигуры невероятных размеров, высокие, как замок, что прежде стоял на этом месте, приблизились к месту сбора. Великаны пришли с далеких гор. Много дней назад они оставили свою работу – восстановление древнего города Варигаль – для того, чтобы принять участие в Большом Совете. Мерлин пристально рассматривал гостей в надежде увидеть старого друга, Шима. Но Шима не было среди посланцев Варигаля. Мальчик вздохнул и сказал себе, что его приятель все равно, наверное, проспал бы до конца заседания.

Первая из великанов, женщина с торчащими волосами и ярко-зелеными глазами, ухмыльнулась и наклонилась, чтобы поднять рухнувший столб. Для этого потребовались бы усилия двадцати лошадей, но великанша поставила камень на место легко, словно деревянную палочку. Тем временем ее спутник, краснолицый мужчина с руками могучими, словно дубовые стволы, подбоченился и оглядел пространство внутри круга камней. Прошло несколько долгих мгновений, и он кивнул женщине.

Та, в свою очередь, ответила кивком. Затем закричала, вскинула руки и взмахнула ими так, словно хотела схватить бежавшие по небу тучи. Глядя на великаншу, Каирпре в изумлении приподнял кустистые брови.

Через несколько мгновений высоко в небе, под облаками, появилась крошечная черная точка. Точка начала снижаться, описывая круги, словно подхваченная невидимым вихрем. Она опускалась все ниже и вскоре приковала к себе взгляды всех присутствующих. Животные, люди и чудесные существа снова притихли. Даже неугомонные водяные нимфы прекратили возиться в луже.

Точка приближалась, увеличивалась в размерах. Вскоре стали видны могучие крылья, затем широкий хвост; луч солнца сверкнул на крючковатом клюве. Тишину разорвал пронзительный крик. Эхо подхватило его, и сама земля, казалось, ответила на этот зов. На зов горного орла.

Птица расправила широкие, словно паруса, крылья, потом прижала их к телу, вытянула вперед лапы с грозными когтями и устремилась к земле. Кролики и лисы при виде хищника жалобно взвизгнули, остальные попятились. Сделав последний величественный взмах крыльями, огромный горный орел опустился на плечо великанши с растрепанными волосами.

Заседание Большого Совета Финкайры началось.

Первым делом делегаты постановили, что никто из них не покинет места встречи прежде, чем все вопросы будут решены. Кроме того, по требованию делегации мышей каждый из присутствующих дал обещание не есть соседей во время заседания. Только лисы возразили против этой идеи под предлогом того, что один лишь вопрос Цветущей Арфы может занять несколько дней. Тем не менее соглашение было достигнуто, и Великая Элуза любезно предложила проследить за его соблюдением. Она ни словом не обмолвилась насчет того, как именно собирается обеспечивать порядок, но никому не хотелось ее расспрашивать.

Следующим решением Совет объявил кольцо каменных столбов, внутри которого собрались делегаты, священным памятником. Слегка прочистив горло со звуком, напоминавшим грохот горного обвала, великанша с взъерошенными волосами предложила новое имя для руин Черного замка: «Хоровод Великанов», или «Эстонахендж» на древнем языке этого народа. Представители населения острова приняли новое имя единогласно, хотя над поляной на несколько минут повисла тяжелая тишина. Да, в тот момент Хоровод Великанов символизировал для Финкайры надежду на лучшее будущее, но эта надежда была из тех, что рождаются лишь после опустошительных войн и непоправимых потерь.

Через некоторое время собрание перешло к вопросу о судьбе Стангмара. Несмотря на то что жестокий король лишился трона, ему удалось избежать смерти. Стангмара спас Мерлин, его единственный сын. Сам Мерлин, будучи лишь наполовину гражданином Финкайры, не имел права говорить на Совете, но бард Каирпре высказался от его имени. Делегаты Большого Совета много часов обсуждали просьбу мальчика оставить жизнь отцу и не судить короля слишком строго за его прошлые преступления. Наконец, несмотря на упорные возражения великанов и горного орла, собрание приговорило Стангмара к пожизненному заключению в тщательно охраняемой тюрьме, в пещере, расположенной к северу от Темных холмов.

Следующий важный вопрос заключался в том, кому теперь доверить управление Финкайрой. Пчелы предложили свою королеву, которая, имея опыт в руководстве ульем, могла править заодно всеми остальными, но поддержки не нашли. Страдания, испытанные во время тирании Стангмара, были еще свежи в памяти островитян, и многие горячо высказывались против единственного правителя. Даже парламент не подойдет, утверждали противники монархии, потому что власть со временем развращает даже самых добродетельных. Каирпре дерзко объявил эти доводы глупостью. Он привел примеры случаев анархии, уничтожавшей народы и государства, и предупредил, что, оставшись без короля, Финкайра однажды снова падет жертвой Рита Гавра, гнусного злодея из Мира Иного. Но делегаты не пожелали слушать его возражений. Большой Совет острова почти единогласно принял решение обойтись без лидера.

А затем собравшиеся перешли к самому главному вопросу. Как поступить с Сокровищами Финкайры?

Все с почтением и страхом уставились на Великую Элузу, и паучиха развязала мешок, лежавший у ее ног, и извлекла из него Цветущую Арфу. Дубовый резонатор со вставками из ясеня, украшенный резными узорами в виде цветов, зловеще поблескивал на солнце. Зеленая бабочка подлетела и опустилась на самую короткую струну. Взмахом гигантской лапы Великая Элуза прогнала бабочку, и струна едва слышно зазвенела. Некоторое время паучиха сидела неподвижно, прислушиваясь к звуку, затем вынула из мешка и представила на всеобщее обозрение остальные Сокровища: меч Душегуб, рог Зов Мечты, Огненный Шар, а также шесть из Семи Разумных Орудий (седьмое, увы, было утеряно во время разрушения замка).

Довольно долгое время взгляды людей и животных были прикованы к Сокровищам. Никто не пошевелился, никто не издавал ни звука. Казалось, даже каменные столбы наклонились к чудесным вещам, чтобы лучше рассмотреть их. Островитяне знали, что задолго до возвышения Стангмара эти легендарные предметы принадлежали всем жителям Финкайры и их свободно передавали из рук в руки по всей стране. В результате Сокровища превратились в легкую добычу для похитителей, что и доказал Стангмар. Пятнистый заяц предложил назначить каждому Сокровищу особого хранителя, который должен будет отвечать за сохранность артефакта и заботиться о том, чтобы им пользовались разумно, в мирных целях. Таким образом, Сокровища принадлежали бы всем, и в то же время находились бы под охраной. Большинство представителей островитян одобрили эту идею и обратились к Великой Элузе с просьбой назначить хранителей.

Однако гигантская паучиха отказалась. Элуза заявила, что лишь существо намного более мудрое, чем она, может принять столь ответственное решение. На эту роль подошел бы настоящий маг – кто-нибудь вроде Туаты. Говорили, что его знания и мудрость были так обширны, что он нашел тайный путь в Мир Иной, чтобы советоваться с Дагдой, величайшим из духов. Но Туаты не стало много лет назад. В конце концов, после долгих уговоров Великая Элуза согласилась присматривать за Сокровищами в своем хрустальном гроте, но только до тех пор, пока остров не изберет достойных хранителей.

Итак, проблема Сокровищ временно была решена, но собрание так и не нашло ответа на вопрос относительно Цветущей Арфы. Местность, окружавшая руины замка, сильно постра-

дала от Мрака, порождения Рита Гавра, так что здесь не осталось никаких признаков жизни, ни единого стебелька зеленой травы. Особенно сильно нуждались в помощи Темные холмы – ущерб, причиненный им, был очень велик. Лишь магия Арфы могла вернуть весну этой земле.

Но кому же ее доверить, спрашивал себя каждый. На Арфе не играли уже много лет – в последний раз Туата воспользовался ею для того, чтобы исцелить лес, уничтоженный драконом из Потерянных Земель. И хотя тот лес был в конце концов возвращен к жизни, Туата позднее признавался, что игра на Арфе потребовала от него больше душевных сил и познаний в магии, чем даже старания погрузить разъяренного дракона в волшебный сон. Арфа, предупреждал он, отзовется лишь на прикосновение существа, наделенного сердцем волшебника.

Самый старший из павлинов предпринял первую попытку. Расправив сверкающие разноцветные перья, он во всей своей красе приблизился к Арфе, наклонил голову, подцепил клювом струну и дернул. Раздался чистый, приятный звук, и его эхо долго звенело среди камней. Но больше ничего не произошло. Магия Арфы не пробудилась. Павлин снова попытался «играть» на ней, но безрезультатно: он лишь извлек из инструмента одну-единственную ноту.

За павлином последовали другие уверенные в себе делегаты. Сверкающий белый единорог провел острием рога по струнам арфы, но прозвучала нестройная мелодия, только и всего. За ним подошли огромный бурый медведь, гном с волочившейся по земле бородой, мускулистая, крепко сбитая женщина и одна из водяных нимф – но все было напрасно.

Бурая жаба выпрыгнула из тени у ног Мерлина и проскакала к Великой Элузе. Остановившись вне пределов досягаемости огромной паучи, жаба гортанным голосом проговорила:

– Может, ты сама и не чар-р-родейка, но я и пр-р-равда думаю, что у тебя сер-р-рдце волшебницы. Ты не возьмешься игр-р-рать на Ар-р-рфе?

Великая Элуза лишь молча покачала головой, подняла три лапы и указала на Каирпре.

– Я? – воскликнул бард. – Ты шутишь! Я не наделен сердцем чародея – точно так же, как не наделен головой свиньи. Круг знаний моих невелик, и мудрости я не постиг. Я ни за что не сумею оживить Арфу. – Поглаживая подбородок, Каирпре обернулся к мальчику, сидевшему рядом с ним на камне. – Но у меня появилась одна мысль: я знаю, у кого это может получиться.

– Этот мальчишка? – недоверчиво прорычал бурый медведь, а мальчик неловко заерзал на месте.

– Я не знаю, правда ли, что у него сердце волшебника, – признался Каирпре, покосившись на Мерлина. – Сомневаюсь даже в том, что ему самому это известно.

Медведь топнул лапой по земле.

– Тогда почему ты предлагаешь его?

Бард слегка улыбнулся.

– Потому что он не так прост, как может показаться на первый взгляд. В конце концов, именно он уничтожил Черный замок. Позвольте ему попробовать оживить Арфу.

– Я согласна, – заметила небольшая сова, щелкнув клювом. – Ведь он внук Туаты.

– И сын Стангмара, – взревел медведь. – Даже если он сумеет разбудить магию Арфы, ему нельзя доверять.

На середину круга вышла хрупкая лесная эльфийка, ее каштановые волосы развевались, словно пряди тумана. Она коротко поклонилась Рири, и та ответила на приветствие. Затем эльфийка мелодичным голосом обратилась к представителям народов острова:

– Я не знаю отца этого мальчика, хотя мне говорили, что в юности он играл в Лесу Друма. Видя уродливое искривленное дерево, я часто думаю, что оно могло бы вырасти высоким и стройным. Поэтому я не могу судить короля – мне неизвестно, лежит ли вина за его проступки на нем самом или на его родных, которые в свое время не поддержали и не направили его. Но я знала мать мальчика. Мы называли ее Элен Сапфиновые Очи. Однажды она исцелила меня от жестокой лихорадки. В прикосновении этой женщины заключалась магия гораздо более

могущественная, чем думала она сама. Возможно, что ее сын обладает таким же даром. Я за то, чтобы позволить ему испытать свои силы с Арфой.

Люди, звери, птицы и прочие существа закивали и загудели в знак согласия. Упрямый медведь некоторое время шагал взад-вперед, ворча что-то себе под нос, но промолчал и не стал возражать.

Когда Мерлин поднялся с камня, Риа на несколько мгновений сжала его ладонь в пальцах. Он с благодарной улыбкой обернулся к ней, затем высвободил руку и медленно приблизился к Арфе. Мальчик осторожно взял волшебный инструмент, обхватил рукой корпус, прижал к себе, и собравшиеся притихли. Мерлин сделал глубокий вдох, поднял руку и прикоснулся к одной из струн. Раздался низкий, вибрирующий звук, который стих лишь через несколько долгих секунд.

Поняв, что ничего особенного не произошло, Мерлин разочарованно обернулся к Рии и Каирпре. Бурый медведь, довольный своей прозорливостью, издал глухое рычание. Но горный орел, примостившийся на плече великанши, хрипло закричал, а вслед за ним и остальные завопили, заревели, завыли и затопали ногами от восторга. Из земли у носка башмака Мерлина появилась одинокая травинка, ярко-зеленая, словно лист молодого деревца, омытый дождем. Мальчик улыбнулся и снова провел пальцем по струнам; арфа зазвенела, и появилось еще несколько травинок.

Когда шум и волнение улеглись, Каирпре подошел к Мерлину и крепко сжал его руку.

– Отличная работа, мальчик мой, отличная работа. – Он помолчал. – Но не забывай о том, что исцеление земли – очень ответственное дело.

Мерлин почувствовал, что в горле пересохло, и сглотнул.

– Я знаю.

– Как только ты приступишь к этой работе, у тебя не будет права остановиться до того момента, пока она не будет окончена. Уже сейчас Рита Гавр и его подручные строят новые планы захвата острова. В этом ты можешь не сомневаться! Темные холмы, где в пещерах и горных расщелинах скрываются вражеские воины, больше всего пострадали от Мрака. Поэтому эти места наиболее уязвимы для повторной атаки. Самый лучший способ предотвратить ее – это как можно быстрее вернуть жизнь Холмам, восстановить природу, чтобы мирные существа могли снова поселиться там. Это поубавит пыл захватчиков, а кроме того, остальные обитатели Финкайры в случае нападения будут предупреждены заранее.

Каирпре осторожно прикоснулся к дубовому корпусу музыкального инструмента.

– Итак, ты должен начать свою работу в Темных холмах – и не покидать их, пока дело не будет сделано. Оставь на потом Пустынные равнины и другие области, хотя они тоже жаждут жизни. Темные холмы следует исцелить прежде, чем вернется Рита Гавр, – это наш единственный шанс.

Бард задумчиво пожевал губу.

– Есть еще одна вещь, мальчик мой. Когда Рита Гавр вернется, он будет искать тебя. Я уверен, что он жаждет отомстить тебе за поражение. Поэтому постарайся не делать ничего такого, что могло бы привлечь внимание злого духа. Просто выполняй свою работу и возроди Темные холмы.

– А вдруг случится так, что, покинув это место, я не смогу заставить Арфу играть?

– Если Арфа не отзовется на твоё прикосновение, мы поймем это. Однако запомни: если ты сумеешь найти общий язык с Арфой, но уклонишься от выполнения своего задания, прощенья не жди.

Мерлин медленно кивнул. Под пристальными взглядами делегатов он взялся за кожаный ремень и собрался повесить Арфу на плечо.

– Стой!

Это был голос ведьмы Домну. Приблизившись к мальчику, она широко распахнула глаза, так что кожа на ее лбу и лысом черепе собралась в складки. Она подняла руку и ткнула в сторону Мерлина кривым пальцем.

– Этому мальчишке, наполовину смертному, нельзя прикасаться к Арфе. Он должен покинуть остров! Если он останется здесь, Финкайру ждет гибель.

Услышав эти слова, присутствующие, и прежде всего сам Мерлин, съежились от страха. В речах ведьмы заключалась странная магия, неведомые чары, которые проникали в сердца подобно острию меча.

Домну погрозила пальцем.

– Если он не уйдет, причем как можно скорее, мы все погибнем. – Среди каменных столбов внезапно подул ледяной ветер, и даже великаны содрогнулись от холода. – Неужели вы забыли о запрете, наложенном самим Дагдой? Ни одному существу, в чьих жилах течет кровь людей с Земли, нельзя долго оставаться на этом острове! Неужели вы забыли о том, что этот мальчишка был рожден здесь, несмотря на закон, существующий испокон веков? Если вы позволите ему взять Арфу, он рано или поздно объявит Финкайру своей истинной родиной. Скорее всего, он вообще не собирается возвращаться на Землю, лежащую за туманной завесой. Помните мои слова! Этот молокосос может даже нарушить равновесие между мирами и тем самым навлечь на нас гнев самого Дагды! Или хуже, – добавила она с гнусной ухмылкой, – возможно, он является орудием Рита Гавра, как и его отец.

– Это наглая ложь! – возмутился Мерлин. – Ты просто хочешь, чтобы меня изгнали с острова, ведь тогда тебе не придется возвращать мне Галатор.

В глазах Домну вспыхнули злые огоньки.

– Вот видите? Он смеет открывать рот на Большом Совете, несмотря на то, что не является одним из нас. Он не уважает законов Финкайры и не уважает истину. Чем скорее его выгонят отсюда, тем лучше.

Многие в толпе закивали, поддавшись магии, заключавшейся в словах колдуньи. Мерлин хотел что-то сказать, но в этот момент раздался другой голос.

Это был голос Рии. Ее серо-голубые глаза горели, она бесстрашно смотрела в лицо лысой ведьме.

– Я тебе не верю. Не верю, и все. – Сделав глубокий вдох, она добавила: – По-моему, ты сама забыла кое-что важное. То пророчество, древнее пророчество, в котором говорится, что лишь дитя, в чьих жилах течет кровь земных людей, сумеет одолеть Рита Гавра и его прислужников! А что, если речь идет о Мерлине? Ты по-прежнему хочешь, чтобы мы прогнали его с острова?

Домну открыла рот, обнажив почерневшие зубы, но тут же захлопнула его.

– Де-е-вочка го-о-о-ворит пра-а-авду, – пророкотала Великая Элуса. Распрямив все восемь лап, она подняла над землей грузное тело и взглянула на Домну сверху вниз. – Ма-а-альчик до-о-олжен оста-а-а-ться.

И тогда чары рассеялись, и делегаты всех видов, форм и размеров начали топтать, рычать и хлопать крыльями в знак согласия. Увидев, что перевес не на ее стороне, Домну скорчила злобную гримасу.

– Я вас предупредила, – буркнула колдунья. – Этот мальчишка навлечет на нас беду.

Каирпре покачал головой:

– Время покажет.

Домну уставилась на барда с ненавистью, словно желала уничтожить его силой мысли. Затем развернулась и смешалась с толпой – но прежде бросила на Мерлина прощальный взгляд, и у мальчика сжалось сердце от дурного предчувствия.

Риа обернулась к Каирпре.

– Не хочешь помочь ему с Арфой?

Поэт рассмеялся и отбросил за спину гриву спутанных волос.

– Конечно. – Он взял кожаный ремень и перекинул его через голову Мерлина, так что инструмент теперь висел у мальчика на боку. – Ты знаешь, что на тебе лежит громадная ответственность, мальчик мой. Судьба острова зависит от тебя. Но несмотря на это, пусть труды принесут тебе радость! И пусть всякий раз, когда ты касаешься этих струн, очередное иссохшее поле покрывается травой и цветами.

Каирпре замолчал и задумчиво посмотрел на Мерлина. Потом, понизив голос, добавил:

– И пока ты будешь исцелять эти земли, желаю тебе самому найти исцеление и душевный покой.

В круге каменных столбов поднялся одобрителный гул. Заседание Большого Совета Финкайры подошло к концу.

Часть первая

Глава 1 Спаситель

Добравшись до вершины холма, я взялся за ремень, на котором висела Цветущая Арфа, и подтянул его повыше. Первые лучи солнца, появившиеся из-за горизонта, раскрасили облака алыми и багровыми полосами. Рубиновые отсветы озарили далекие вершины, и казалось, что огонь охватил группу стройных, высоких деревьев, которые торчали на гребне черной горы, подобно поднявшимся дыбом волоскам. Хотя деревья были ярко освещены, сами холмы по-прежнему лежали в тени – в тени того же цвета, что и хрупкие стебли травы, шуршавшие под ногами. Цвета запекшейся крови.

Но несмотря на все это, я улыбался, шагая по склону холма, по мертвой траве. Я не замечал пронизывающего ветра, который насквозь продувал мою коричневую тунику и обжигал лицо. Меня согревала радость, которую приносила работа. Работа, которой я был поглощен в течение последних трех недель. Работа по возвращению жизни этим землям.

Точно так же, как сделал это много лет назад великий волшебник Туата, отец моего отца, я пронес Арфу через мертвые пепелища, останки полей и лесов. Подобно Туате, я уговорил земли снова ожить – должен добавить, что я сам удивился тому, как легко это у меня получилось. С каждым днем Арфа все более охотно откликалась на мои прикосновения. Казалось, ей не терпелось выполнять мои просьбы. Словно все эти годы, со времен Туаты, она ждала меня.

Конечно, несмотря на поразительные успехи, я прекрасно понимал, что не являюсь волшебником. Я едва был знаком с основами магии. Я не смог бы и дня продержаться в качестве ученика у мага, подобного Туате. И все же... я не был простым мальчиком. Я спас свою подругу Рию от верной смерти в темнице Стангмара. Я разрушил его замок. И тем самым разрушил планы его хозяина, Рита Гавра. И поэтому мне казалось вполне логичным, что Большой Совет доверил Арфу мне. И то, что Арфа мне повиновалась.

Приближаясь к погруженному в тень выходу горной породы, я заметил у его подножия русло пересохшего ручья. Было ясно, что эта лощина много лет не видела ни капли воды. Жалкие остатки почвы, которые не унесло ветром, спеклись, потрескались и выглядели безнадежно, словно труп, иссушенный солнцем пустыни. Здесь нельзя было найти никаких признаков жизни, за исключением одинокого хилого деревца с облесшей корой, на котором не осталось ни единого листа. Здесь больше не было растений. Не было насекомых. Не было животных.

Уверенно улыбаясь, я потер узловатую верхушку своего посоха, ощупал глубокие бороздки в дереве, вдохнул смолистый аромат древесины тсуги. Я положил посох на землю, снял с плеча кожаный ремень с Арфой, стараясь при этом не задеть шнурок, на котором висел мешочек с травами, полученный на прощание от матери. Держа Арфу в левой руке, я некоторое время разглядывал замысловатые узоры в виде цветов и листьев, украшавшие ее резонатор, искусно сделанные инкрустации из ясеня, отверстия в деке, расположенные на строго выверенном расстоянии друг от друга. Струны из козых кишок тускло поблескивали в лучах утреннего солнца. Рама, соединявшая корпус с колонной, была изящно изогнута, словно лебединая шея. Когда-нибудь, пообещал я себе, я научусь делать такие же арфы.

Порыв ветра заставил меня вздрогнуть, и я кончиками пальцев провел по струнам. Полилась волшебная музыка, которая утешила меня и пробудила в сердце радость. Такой радости я не испытывал давным-давно, с тех времен, когда слушал пение матери. Я обошел с Арфой

дюжины холмов, но мне ничуть не наскучила эта прекрасная мелодия. Я знал, что могу слушать ее вечно.

Крошечный росток папоротника показался из земли и начал набирать силу. Я снова провел пальцами по струнам Арфы.

Склон холма ожил. Сухая трава сменилась молодыми, гибкими зелеными стеблями. На дне лощины зазвенел ручеек, питая иссохшую землю. Маленькие бутоны, покрытые каплями росы, стремительно раскрывались, и мгновение спустя берега ручья уже были усыпаны голубыми цветами. В воздухе плыл чудесный аромат – смесь запахов лаванды, тимьяна и кедра.

Слушая мелодию Арфы, разносившуюся над холмом, я наслаждался и мелодией ароматов. Но вдруг мне расхотелось улыбаться – я вспомнил запах, исходивший от целебных трав моей матери. Сколько же времени прошло с того дня, как я в последний раз вдыхал его! Еще до моего рождения Элен Сапфиновые Очи усердно собирала и сушила цветочные лепестки, семена, листья, корни, стружки коры. Она готовила лечебные снадобья. Однако время от времени мне приходило в голову, что она окружала себя лечебными травами лишь потому, что любила их ароматы. Как и я. Кроме укропа, от запаха которого я всегда начинал чихать.

Но гораздо больше радости, чем ароматы растений, собранных мамой, мне приносило само ее общество. Она всегда старалась, чтобы я чувствовал себя любимым, чувствовал себя в безопасности. Даже в те моменты, когда жизнь не позволяла ей этого. Увы, так случалось слишком часто. Она заботилась обо мне все эти трудные годы в Гвинед, стране, которую другие люди называли Уэльсом, и никогда не требовала благодарности. И даже в те дни, когда она замыкалась в себе и молчала, в надежде оградить меня от прошлого, а я буквально задыхался от ярости, не понимая, почему она не отвечает на мои вопросы об отце... Даже когда я в гневе и смятении пытался отомстить ей и отказывался называть ее словом, которое она больше всего на свете желала услышать от меня, – даже тогда я любил ее.

А сейчас, когда я, наконец, понял, что она сделала для меня, чем пожертвовала, у меня не было возможности поблагодарить ее. Она была далеко, бесконечно далеко, за стеной тумана, за океаном, за скалистыми утесами страны Гвинед. Я не мог прикоснуться к ее руке. Я не мог назвать ее этим словом: матушка.

На ветке дерева зашебетал кроншнеп, и я вернулся мыслями к настоящему. Это была жизнерадостная песня, полная ликования! Я снова тронул струны Арфы.

У меня на глазах дерево начало оживать. На ветвях сформировались почки и бутоны; почки тут же распустились, развернулись сморщенные зеленые листочки, и среди них оказался неизвестно откуда взявшийся рой ярких бабочек. Гладкая кора покрывала теперь ствол и ветви дерева. Корни, казалось, зашевелились в земле, вцепились в берег ручья, который стремительно бежал с холма.

Это был бук. Я ухмыльнулся, глядя на сильные ветви, устремлявшиеся к небу. Ветер шевелил серебристые листья. Почему-то всякий раз, когда я смотрел на буковое дерево, в душе воцарялось ощущение мира, покоя, я чувствовал в себе некую новую силу. И вот сейчас я спас бук от смерти. Я вернул ему жизнь. Так же, как и всему этому холму, – подобно многим другим до него. Я почувствовал себя всемогущим. Большой Совет сделал правильный выбор, подумал я. Да, я действительно наделен сердцем волшебника!

Вдруг я заметил свое отражение в лужице, образовавшейся среди корней дерева, у берега ручья. Увидев лицо, покрытое шрамами, неподвижные, безжизненные, незрячие глаза, я помрачнел. Что же сказала о моих глазах Риа в день нашего знакомства? «Твои глаза напоминают мне две звезды, скрытые за облаками». И мне ужасно захотелось видеть, видеть мир собственными глазами, как прежде.

Конечно, видеть при помощи магического дара было лучше, чем оставаться слепым. Я знал, что до самой смерти буду помнить тот чудесный миг, когда обнаружил, что могу видеть окружающий мир, лишившись обычного человеческого зрения. Но все же «ясновиде-

ние» никак не могло заменить настоящие глаза. Цвета были тусклыми, мелкие детали – нечеткими, тьма подступала со всех сторон. Я готов был отдать все, что угодно, лишь бы вернуть себе обычное зрение! Мои глаза пострадали от огня, они стали бесполезными, и все же я знал, что глаза у меня есть. Они ежечасно напоминали мне обо всем, что я потерял.

А я потерял так много! Мне было всего тринадцать лет, а я уже лишился и матери, и отца, и дома – точнее, тех нескольких мест, которые считал домом, – а кроме того, навсегда ослеп. В памяти прозвучали слова матери: она, пытаясь меня подбодрить, спрашивала, не приобрел ли я взамен чего-нибудь нового. Но чем это было? Возможно, смелостью и способностью существовать на свете в одиночестве. И возможностью спасти пораженные смертельной болезнью земли Финкайры.

Я снова повернулся к буковому дереву. Я уже «оживил» немалую часть Темных холмов – начиная с развалин Черного замка, который теперь превратился в священный круг камней, и почти до северной границы болота Призраков. Я намеревался в течение следующих нескольких недель закончить работу в этой местности, после чего можно было перейти к Ржавым равнинам. Несмотря на то что Финкайра изобиловала чудесами и загадками, это был, в конце концов, всего лишь небольшой остров.

Поставив Арфу на землю, я приблизился к буку. Приложил ладони к гладкой серебристой коре, раздвинул пальцы и почувствовал биение жизни внутри могучего ствола. Затем, сложив губы трубочкой, я негромко свистнул. Дерево задрожало, словно освобождаясь от невидимых пут. Ветви зашевелились и зашелестели, издавая звук, очень похожий на мой свист.

Я кивнул сам себе, довольный достигнутыми успехами. Свистнул еще раз. И дерево вновь ответило мне. Однако на этот раз оно не просто содрогнулось. Потому что я отдал ему приказ.

«Склонись. Склонись до самой земли». Я хотел забраться на его самую высокую ветку. Затем я собирался приказать дереву распрямиться и поднять меня на недостижимую высоту. С самого раннего детства, сколько я себя помнил, я любил смотреть на лес с верхушек деревьев. В любую погоду. Но мне всегда приходилось лезть туда самому – до сегодняшнего дня.

Медленно, словно с неохотой, поскрипывая и громко шурша листвой, высокое дерево начало гибаться. От ствола откололся кусок коры. Я поднял голову, глядя на ветки. Пока дерево склонялось передо мной, я выбрал себе «сиденье» – выемку в стволе вблизи верхушки.

Вдруг до меня донесся свист. Дерево перестало клониться и начало так же медленно выпрямляться. Это рассердило меня, и я повторил приказ. Дерево замерло, затем снова склонилось ко мне.

И вновь над лугом разнесся свист. «Услышав» его, дерево перестало повиноваться мне и собралось вернуться в прежнее положение.

Я почувствовал, как кровь прилила к щекам от гнева и возмущения. Как это возможно? Я впился ногтями в кору, собрался снова повторить приказ и в этот момент услышал мелодичный смех, похожий на звон колокольчика. Резко обернувшись, я увидел девочку в одежде из листьев, с серо-голубыми глазами и густыми волнистыми каштановыми волосами. Блестящие лозы обвивали ее стан, словно она сама была деревом. Она смотрела на меня и смеялась, подбоченившись и положив руки на пояс, сплетенный из трав.

– Риа! Я должен был догадаться.

Она склонила голову набок.

– Ты так быстро устал от разговоров на языке бука? Ты снова говоришь как кельт.

– Я бы продолжал говорить с буком, если бы ты нас не перебила.

Риа тряхнула каштановыми локонами, в которые были вплетены ветви с листьями.

– Я не перебивала. Я лишь помешала тебе приказывать дереву.

Я в раздражении взглянул на бук, который снова стоял совершенно прямо; лишь серебристые листья едва заметно шевелились на ветру.

– Оставь меня в покое, ладно?

Она снова тряхнула волосами.

– Тебе нужен опекун и проводник. В одиночку ты можешь заблудиться. – Она озабоченно посмотрела на бук. – Или натворить глупостей.

Я недовольно поморщился.

– Ты мне не опекун! Это я пригласил тебя присоединиться ко мне, помнишь? И не думал, что тебе придет в голову мне мешать.

– А когда я начала учить тебя языку деревьев, то не думала, что тебе придет в голову использовать эти знания, чтобы причинять им боль.

– Причинять боль? Разве ты не видела, что я делал?

– Видела. И мне это не нравится. – Риа, топнув ногой, придавила к земле несколько травинок. – Непочтительно – и опасно – заставлять деревья сгибаться до земли. Ведь так можно повредить ствол и ветви. Дерево вообще может сломаться. Если хочешь посидеть на дереве, ты должен забраться на него сам.

– Я знаю, что делаю.

– В таком случае, за последние три недели ты ничему не научился! Разве ты забыл первое правило разговора с деревьями? Выслушай, прежде чем говорить самому.

– Просто стой и смотри. Я покажу тебе, что научился многому.

Риа приблизилась и больно стиснула мне локоть.

– Иногда ты напоминаешь мне несмышленного ребенка. Столько самоуверенности на пустом месте!

– Прекрати поучать меня, – рявкнул я. – Я спас это дерево! Я вернул его к жизни! И имею право приказывать ему наклониться, если мне нужно.

Риа нахмурилась.

– Нет, Мерлин. Не ты спас дерево. – Она отпустила мою руку и указала на музыкальный инструмент, лежавший на траве. – Это сделала Цветущая Арфа. Ты – всего лишь тот, кому позволили играть на ней.

Глава 2

Странный прием

– Почему теперь я не чувствую того, что прежде?

Я лежал на спине на пологом склоне холма, на мягкой ароматной траве, устроившись так, чтобы не задеть Арфу. Несмотря на то, что я был незрячим, я без труда мог различить магическим зрением крупные, мясистые розовые ягоды в ладони Рии. Я знал, что она имела в виду вкус ягод, которые, по ее мнению, были недостаточно сладкими. Но за дни, прошедшие со дня нашей ссоры у бука, я часто задавал себе тот же самый вопрос – насчет нашей дружбы.

Риа появлялась и исчезала в самые неожиданные моменты, но никогда не оставляла меня надолго. Она по-прежнему сопровождала меня в путешествии по холмам и долинам, иногда молча, иногда – напевая. Она по-прежнему устраивалась на ночлег неподалеку от меня, делилась едой. Она даже продолжала называть себя моей проводницей, хотя нам обоим было ясно, что я не нуждаюсь в проводнике.

И все же, несмотря на ее постоянное присутствие, теперь нас разделяла невидимая стена. Со стороны казалось, что мы путешествуем вместе, но на самом деле мы шли разными путями. И эта мысль причиняла мне боль. Она отказывалась разделить мои чувства, волнение и радость, которые я испытывал, принося жизнь и надежду на землю, глядя на то, как деревья покрываются почками, а луга – молодой травой. Когда я пытался объяснить ей что-то, она отвечала мне очередным снисходительным, высокомерным поучением насчет Цветущей Арфы.

Или еще хуже – одним из своих взглядов, которые, казалось, пронизывали меня насквозь. Словно ей было известно все, о чем я думал, понятно все, что я чувствовал, и ей не нужно было даже спрашивать. И это после того, что я сделал для нее! Неужели все девчонки такие невыносимые, несговорчивые и упрямые, думал я. Она способна свести с ума любого!

Я махнул рукой в сторону куста со спутанными ветвями, отяжелевшими от розовых ягод.

– Если они тебе не нравятся, почему ты продолжаешь их есть?

Риа ответила, срывая розовые шарики:

– Где-то здесь должны быть другие, сладкие. Я знаю это.

– Откуда?

Она беззаботно пожала плечами, запихивая в рот пригоршню ягод.

– Знаю, и все.

– Тебе кто-нибудь об этом рассказал?

– Тихий шепот в голове. Голос, который понимает ягоды.

– Не говори глупостей, Риа! Ягоды просто еще не созрели. Лучше тебе подождать и найти другой куст.

Она продолжала жевать, не обращая внимания на мои слова.

Я сорвал пучок травы и бросил его вниз со склона.

– А что, если ты сейчас наешься этих кислых ягод, а когда найдешь сладкие, у тебя в животе уже не будет места?

Риа обернулась ко мне с набитым ртом. Она была похожа на белку, напихавшую за щеки желудей.

– М-м... – промычала она, глотая ягоды. – В таком случае, думаю, это будет день кислых ягод, а не сладких. Но тот внутренний голос подсказывает мне, что здесь все же есть ягоды послаще. Дело просто в том, что нужно доверять ягодам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.